

Чернова И. В.

ОБЩЕСТВЕННАЯ БОРЬБА В РОССИИ ЭПОХИ 1860-Х Г.Г.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 85-88. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И создает свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней не просит...

Ф.И. Тютчев

Эпоха шестидесятых годов была особым временем в истории русского общества. Она началась, по признанию современников, в первый день царствования Александра II, 19 февраля 1855 г., и продолжалась до каракозовского выстрела 4 апреля 1866 г., за которым последовали спад общественной активности и полоса «белого террора» [Русская беседа 1857:143]. Поэт Ф.И. Тютчев, который после событий 14 декабря 1825 г. писал о наступившем николаевском правлении: «Зима железная дохнула», назвал эпоху шестидесятых годов «оттепелью» [Гроссман 1922:5]. Следует отметить, что это было точное отражение тех процессов, что происходили в обществе, пережившем тридцатилетний «застой».

Оживление, которым сопровождалось начало каждого царствования, в эпоху «оттепели» имело ясно выраженную реформаторскую направленность и охватило не только столичное дворянство, но и провинциальную интеллигенцию, роль которой в общественной жизни становилась все заметнее.

Всеобщей потребностью стало ослабление цензурных запретов и та особая открытость в обсуждении наболевших вопросов, которую именовали гласностью. Преобразовательные устремления власти поначалу встретили в русском обществе широкое понимание. Первые шаги Александра II свидетельствовали о стремлении правительства к переменам. Были сняты запреты на выезд за границу, упразднен Бутурлинский комитет, было дано дозволение на издание новых журналов – славянофильской «Русской беседы», западнически-либерального «Русского вестника», а также радикального «Современника». Данные издания, занимавшие различные общественно-политические позиции, в 1856-1857 г.г. выступали за тесное взаимодействие всех общественных сил, за совместную поддержку реформаторских намерений правительства [Твардовская 1975:62].

Однако по мере того, как проявлялся характер готовившейся крестьянской реформы, общественное движение теряло свое единство. Если либералы, критикуя власть по частным вопросам, в целом продолжали поддерживать ее, то публицисты «Современника» – **Николай Гаврилович Чернышевский** и **Николай Александрович Добролюбов** – все резче обрушивались и на правительство, и на либералов, обвиняя их в стремлении решать все вопросы за крестьянский счет. Особую позицию занял **Александр Иванович Герцен**. Заметим, что в своих зарубежных изданиях, которые пользовались огромной популярностью в России (особенно газета «Колокол»), Герцен разоблачал реакционные устремления высших сановников, критиковал правительство за нерешительность, непоследовательность и т.п. Критика эта звучала гораздо резче, чем осторожные намеки и замечания на страницах либеральных изданий.

В 1853 г., еще при жизни Николая I, Герценом была основана в Лондоне Вольная русская типография. Он говорил: «Если я ничего не сделаю больше, то эта инициатива русской гласности когда-нибудь будет оценена» [Цимбаев 2004:213]. Первым изданием этой типографии стало обращение к русскому дворянству «Юрьев день! Юрьев день!», в котором Герцен провозглашал необходимость освобождения крестьян. Его страшила пугачевщина. Герцен предлагал дворянам подумать о выгоде освобождения крестьян с землей. Он писал: «Предупредите большие бедствия, пока это в вашей воле. Спасите себя от крепостного права и крестьян от той крови, которую они должны будут пролить. Пожалейте детей своих, пожалейте совесть бедного народа русского» [Цимбаев 2004:213]. Отметим, что, излагая основы нового учения – общинного социализма, Герцен пояснял: «Слово социализм неизвестно нашему народу, но смысл его близок душе русского человека, изживающего век свой в сельской общине и в рабочей артели». В первом произведении вольной русской прессы было высказано глубокое предвидение: «В социализме встретится Русь с революцией». В те годы сам Герцен был далек от веры в скорое наступление революционных событий в России, еще меньше думал об этом его адресат – российское дворянство.

В другой листовке – «Братьям на Руси» – он призывал соотечественников принять участие в общем деле освобождения. Герцен говорил о необходимости гласности и свободном слове. Ему вторил консервативно настроенный Погодин, который в октябре 1854 г. позволили себе критиковать «охранительное» направление николаевского царствования за то, что оно не учитывает особенности национальной истории и национального характера, а так же препятствует самобытному просвещению и лишь усиливает бюрократические «язвы».

Перелом общественных настроений, наступивший с воцарением Александра II, дал возможность Герцену приступить к изданию альманаха «Полярная звезда», названием которого он утверждал преемственную связь и свое «кровное родство» с декабристами. Вслед за тем, в 1856 г., он стал печатать «Голоса из России», где находили место самые разные материалы, написанные на злобу дня. Герцен создал свободную трибуну для всех слоев образованного общества. Отметим, что все это звучало ново и способствовало рас-

пространению либеральных и освободительных идей в России, куда герценовские издания проникали почти беспрепятственно.

После отмены крепостного права раскол в общественном мнении стал еще глубже. Правда, реформа вызвала разочарование и в либеральной среде. Ярким, хотя и нетипичным проявлением дворянско-либеральной оппозиции стал демарш Тверского дворянского собрания. В своем постановлении тверские дворяне заявили, что правительство обнаруживает свою полную несостоятельность. А в адресе на имя императора подчеркивалось, что созывание выборных земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных положением 19 февраля [Попельницкий 1916: 393]. Спустя несколько дней собралось совещание мировых посредников Тверской губернии. В еще более резкой форме они повторили основные пункты резолюции дворянского собрания. Впоследствии все 13 участников совещания мировых посредников были посажены в Петропавловскую крепость. По истечении месяца со дня заключения их отдали под суд, затем был вынесен приговор о лишении свободы на срок от двух до двух с половиной лет. Самые суровые наказания были определены главным «зачинщикам» - Алексею и Николаю Бакуниным, братьям М.А. Бакунина. Вскоре они были помилованы, но с запрещением участвовать в каких-либо выборах.

Следует отметить, что обычно до конфликтов с властью дело у либералов не доходило. Критика велась весьма осторожно [Лециловская 1976: 43]. В 1860-е годы большинство либералов продолжали рассчитывать на добрую волю и реформаторские возможности самодержавия, стремясь лишь подтолкнуть его в нужном направлении, оказать поддержку.

Что же касается радикально настроенной части общества, то реформа 1861 г. ни в коей мере не удовлетворила их интересы. Значительную часть интеллигенции захватили **революционные настроения**. Это было вызвано в известной степени серьезными изменениями в его социальном составе: оно быстро теряло свой сословно-дворянский характер [Лециловская 1976: 58]. А, следовательно, границы между сословиями стремительно разрушались. Заметим, что реформы в области просвещения открыли выходцам из всех сословий путь к высшему образованию. Дети крестьян, мещан, духовенства, оскуделого дворянства быстро теряли социальные связи с породившей их средой, превращаясь в стенах высших учебных заведений в интеллигентно-разночинцев, стоящих вне сословий, живущих своей, особой жизнью [Цимбаев 2004: 115]. В то же время, расставаясь так решительно со своим прошлым, интеллигенты новейшей формации быстро теряли всякое уважение к устоям, традициям. Более того, они воспринимали их как нечто себе враждебное – ведь большинству разночинцев приходилось прорываться «в люди» с боем, преодолевая множество препятствий, терпя лишения. Ощущение органичности, постепенности исторического развития было редкостью в этой среде, зато революционные идеи прививались здесь с удивительной легкостью. **Именно разночинная интеллигенция и стала основной базой революционного движения в преобразованной России.**

После 19 февраля 1861 г. заметно оживилось и студенческое движение. Восприимчивая и отзывчивая часть общества - студенчество - отстаивало свои корпоративные права и, тем самым, одновременно демонстрировало солидарность с крестьянством. Политическую окраску приобрела панихида, устроенная казанскими студентами в апреле 1861 г. по крестьянам, расстрелянным в селе Бездна. Возле церкви собралось несколько сот учащихся, к которым с речью обратился профессор университета А.П. Щапов, говоривший о том, что бездненская трагедия «воззовет народ к восстанию и свободе». Свою речь он закончил словами: «Да здравствует демократическая конституция!». Щапов был отдан под надзор полиции, позднее был обвинен в связи с «лондонскими пропагандистами» и сослан в Сибирь.

Студенческие волнения были серьезно восприняты правительством. В середине 1861 г. были введены «Временные правила», имевшие целью ограничить доступ в университеты. Отменялось освобождение бедных студентов от платы за обучение, запрещались сходки и депутации. В ответ на это студенты Петербургского, Московского и Казанского университетов прекратили занятия. 25 сентября 1861 г. в Петербурге студенты провели первую в России уличную демонстрацию. Правительство вынуждено было перейти к решительным мерам. Были проведены аресты предводителей студенчества и массовые исключения из университетов, наряду с этим уволены и отправлены в отставку некоторые чиновники Министерства просвещения, что дало возможность молодежи осознать свою силу.

Летом 1861 г. появилась прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», которая содержала обращенный к крестьянам призыв не губить себя до времени и ждать, когда «доброжелатели» объявят, что «пора, люди русские, доброе дело начинать». Авторство прокламации было приписано Н.Г. Чернышевскому.

Н.Г. Чернышевский – кумир радикальной молодежи. В ноябре 1861 г. возглавил журнал «Современник». Заметим, что данное издание являлось идейным центром радикалов, определявшим умонастроения значительной части русского общества того времени. Чернышевский был опытным и трезвым политиком. В это время он, по-видимому, все более склонялся к мысли о временном союзе с либералами. Именно Чернышевский и его единомышленники стояли в центре прокламационной кампании, которая охватила Россию. Авторы прокламаций обращались к разным слоям населения с такими призывами, как неповиновения властям, предсказывали неизбежное народное восстание, предотвратить которое, как говорилось в листке «Великорусс», «патриоты не будут в силах и должны будут позаботиться только о том, чтобы оно направилось благотворным для нации образом».

Напомним, что летом 1862 г. Петербург охватили грандиозные пожары, когда выгорело несколько кварталов. Причины пожаров точно установить не удалось, но в городе упорно ходили слухи о том, что город жгут

нигилисты. Сложившейся обстановкой воспользовались сторонники крутых мер. Полиция разгромила воскресные школы, устроенные для простых людей профессорами, офицерами и священниками [Левин. 1974: 331]. В июле 1862 г. был арестован Н.Г. Чернышевский. Как следствие этого, на несколько месяцев закрыли журнал «Современник», а также журнал «Русское слово». Полиция приписывала Чернышевскому сочинение прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», в которых содержались призывы к восстанию против помещиков и царя. Около двух лет, пока Третье отделение собирало обвинительный материал, Чернышевский провел в Петропавловской крепости. Особое присутствие Сената приговорило его к семи годам каторги. 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади в Петербурге был совершен обряд «гражданской казни» Чернышевского.

Прокламации и воззвания, распространявшиеся в Петербурге, Москве и других городах, подвергли крестьянскую реформу самой резкой критике. В них содержались требования более решительных и последовательных преобразований, подкрепленные угрозой народного восстания. В ответ на это власть в 1861-1862 г.г. произвела целый ряд арестов. Была учреждена следственная комиссия по делам о политических преступлениях. Многие деятели революционного движения были осуждены на каторжные работы [Твардовская. 1975: 101]. Ряд видных шестидесятников вынуждены были эмигрировать.

Отметим, что расправа над Чернышевским произвела тяжелое впечатление на общество, тем более, что многие были уверены в его невиновности. Осуждение Чернышевского лишь усилило крайне радикальные настроения среди молодежи. Начали возникать подпольные организации [Данилов. 1998: 35]. Еще при Чернышевском близкие к нему люди объединились в общество «**Земля и воля**». Его отделения были созданы в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Перми. Члены общества надеялись, что в ближайшем будущем произойдет крестьянское восстание. Осенью 1862 г. общество «Земля и воля» заявило о создании Русского центрального народного комитета, руководителями которого стали Н.И. Утин и Г.Е. Благосветлов. Следует отметить, что взгляды участников организации совпадали в желании общественных перемен, но в остальном были различны. В качестве примера можно привести слова Н.А. Серно-Соловьевича, который говорил: «У нас такая разногласица, что нет и двух человек, согласных в принципах или цели». Деятели «Земли и воли» через Герцена и Огарева вели переговоры с польскими революционерами о возможности совместного выступления. Весной 1863 г. по их расчетам в России ожидалось крестьянское восстание. Когда эти надежды рухнули, общество «Земля и воля», так и не раскрытое властями, объявило о самороспуске.

В общественной жизни постреформенной России заметную роль играл дворянский конституционализм. Яркими представителями консервативно настроенного дворянства были Н.А. Безобразов, В.П. Орлов-Давыдов, А.П. Платонов, которые выступали с притязаниями на ограничение самодержавия и были убеждены в том, что правительство, отменив крепостное право и, тем самым, лишив помещиков собственности и важных привилегий, должно поступиться частью своей власти. Они мечтали об «исправлении ошибки 19 февраля 1861 года» и отстаивали идею узкосословной конституции, а так же стремились к закреплению преобладания дворянства в политической жизни страны. Их органом была газета «Весть», публиковавшаяся с 1863 г.

Огромное впечатление на современников произвела прокламация «Молодая Россия», появившаяся летом 1862 г., которая широко разошлась по стране. Автором ее был московский студент П.Г. Заичневский. Прокламация утверждала неизбежность революции «кровавой и неумолимой», которая «должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Заметим, что будущее страны «Молодая Россия» представляла как «республиканско-федеративный союз областей», состоящих из самоуправляющихся общин. Экономической основой будущего строя должны были стать земледельческая община и общественная фабрика, т.е. общественное производство. Что же касается социальных вопросов, то предполагалось ввести общественное воспитание детей, а такие институты как брак и семья отменить. «Молодая Россия» обещала: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика Русская; двинемся на Зимний дворец истребить живущих там» [Захарова. 2005: 89].

Следует отметить, что власти не сумели установить авторство Заичневского и охотно приписывали ее кровавый экстремизм всему освободительному движению, охватившему Россию в первые годы после отмены крепостного права.

Изменение общественных настроений нашло выражение в публицистике **Дмитрия Ивановича Писарева**, наиболее яркого и талантливого представителя журнала «Русское слово». Писарев был кумиром тех, кого именovali нигилистами и о ком говорили, что они «волос не стригут и в баню не ходят» [Титов. 2006: 88]. Нигилисты, напротив, ходили коротко стриженными. Нигилисты демонстративно презирали общественные условности, жили коммунами, отвергали собственность и традиционную мораль. **Нигилизм** был формой молодежного протеста.

Находясь в заключении в Петропавловской крепости, Д.И. Писарев помещал статьи в подцензурной печати, где учил, что долг честного человека состоит в разрешении вопроса «о голодных и раздетых людях». Д.И. Писарев ставил, прежде всего, задачу личного освобождения – от семейных и бытовых предрассудков, от слепого поклонения авторитетам, а так же от груза вековых традиций во всех сферах жизни. От нигилиста требовалось развивать свой интеллект, постигая естественные науки, стремиться к свободной, разумной, приносящей практическую пользу деятельности, устраивать свою жизнь и жизнь близких людей на разумных, взаимовыгодных основаниях. Писарев верил в социальное переустройство общества, которое будут осуществлять «мыслящие реалисты», вооруженные последними достижениями науки, проповедовал отрицание старых об-

щественных норм, связывая утверждение нового порядка вещей как с мирной пропагандой, так и с возможностью радикального переворота [Данилов 1998: 98]. Под его влиянием разночинская молодежь увлеченно занималась естествознанием, стремилась к распространению в народе грамотности и элементарных знаний о мире. Следует отметить, что это течение общественной мысли сыграло чрезвычайно важную роль в формировании интеллигента-разночинца, со всеми характерными особенностями его духовного облика, образа действий, манеры поведения.

Заметим, что последователей Писарева и сторонников Чернышевского разделял вопрос о роли народа в исторических событиях. Нигилисты недооценивали народные массы и верили в сильную личность, которую считали двигателем прогресса [Титов. 2006: 85], тогда как разночинцы-шестидесятники сохраняли надежду на крестьянскую революцию [Попельницкий. 1916: 255]. Споры между ними, шедшие на страницах «Современника» и «Русского слова», издание которых было возобновлено в 1863 г., вызвали «раскол в нигилистах» и свидетельствовали о необходимости выработки новых идей, объединяющих передовую молодежь. Знаменем времени стал написанный в крепости роман Чернышевского «Что делать?», опубликованный в «Современнике», основной тематикой которого стали социалистические идеалы будущего, приближению которого должны были содействовать кружки и артели, создаваемые на общественных началах. Хрустальные дворцы, о которых мечтали герои романа, были символом утопического сознания, характерного для пореформенной России.

Идейный «раскол в нигилистах» отразился в деятельности студенческого кружка, возникшего в 1863 г. в Москве сначала как пензенское землячество. Руководил им студент Н.А. Ишутин, ему помогал его двоюродный брат Дмитрий Каракозов. Оба учились в Московском университете. По примеру героев Чернышевского ишутинцы организовывали разного рода артели и производственные ассоциации, что неизменно закончилось неудачей. На первых порах в их деятельности преобладал пропагандистский уклон. Но затем некоторые члены общества стали склоняться к тактике партизанских действий и индивидуального террора. В 1865 г. с этой целью была создана особо законспирированная боевая группа «Ад» [Новицкая. 1998: 45]. Данная группа установила связи с петербургским подпольем, которое возглавлял И.А. Худяков. Отметим, что члены группы «Ад» уповали на героизм отдельной личности, способной на «поступок» [Новицкая. 1998: 45]. В апреле 1866 г. наступила неожиданная развязка. Из «Ада» вышел Д.В. Каракозов, который, стремясь изменить ход истории, 4 апреля 1866 г. в Петербурге стрелял в Александра II. Покушение было неудачным, Каракозов был казнен, ишутинский кружок разгромлен.

Выстрел Каракозова произвел на общество потрясающее впечатление. В стране началась, по тогдашнему выражению, полоса «белого террора». Следует отметить, что правительственные репрессии в значительной степени предопределили дальнейшую судьбу идей социализма в России. Еще совсем недавно излагаемые в подцензурной печати, они подверглись преследованию и запрещению и, как следствие этого, стали исключительным достоянием революционного подполья. В общественном сознании их стали связывать с насилием и террором.

Список использованной литературы

1. Данилов А. А. История России 9-19 в.в. / А.А. Данилов. - М., 1998. - С. 98-105.
2. Захарова Л. Г. Великие реформы 1860-1870-х. г.г.: поворотный пункт Российской истории / Л.Г. Захарова. - М., 2005. - №4. - С. 89.
3. Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина 19-н.20 в.в. / Ш.М. Левин. - Л., 1974. - С. 331-348.
4. Лециловская И. И. //Вопросы истории. - 1976. - №12. - С. 43.
5. Новицкая Т. Е. Реформы Александра II / Т.Е. Новицкая. - М., 1998. - № 6. - С. 45.
6. Попельницкий А. З. Голос минувшего / А. З. Попельницкий. - М., 1916. - №5. - С. 255.
7. Русская беседа. - 1857. - Т.2, кн. 6. - С. 143-144.
8. Твардовская В. А. Освободительное движение в России/ В.А. Твардовская. - Саратов, 1975.- Вып. 4. - С 101-109.
9. Титов Ю. П. История России / Ю.П. Титов. - М., 2006. - С. 88-92.
10. Цимбаев Н. И. История России 19-н.20 в.в. / Н.И. Цимбаев. - М., 2004. - С. 115.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Чернова И. В.

Институт права и государственной службы Ульяновского государственного университета

История государственного аппарата Российской империи, в системе которого было немало работоспособных институтов, вызывает в настоящее время повышенное внимание у исследователей. В первую очередь исследуются механизм и особенности функционирования охранительных органов, в том числе и органов политического сыска.

В.В. Романов полагает, что «формы и методы политического сыска, а так же приемы обнаружения готовящихся преступлений против государственного строя и правопорядка, отыскания доказательств виновности сложились в большинстве европейских государств в 19 – начале 20 века.»[Романов. 2003:10] Однако, заметим, что каждое государство искало свои пути введения этих методов в законные рамки, сознавая, что бесконтрольность и вседозволенность органов политического сыска даже более опасны, чем их полное бездействие.